

Власов В. Ф.

Ворон на дереве

В поисках 4-го измерения

18+

Владимир Фёдорович Власов

Ворон на дереве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41758399

SelfPub; 2019

Аннотация

А судьи кто? – извечный вопрос всех времён нашей цивилизации, на который отвечает Библия: «Не судите, и не судимы будите». Герой повести – законченный злодей, который имеет отношение к правосудию, но из-за склонности к рефлексии, понимает, что творит зло, и последние остатки его совести заставляют его расстаться с жизнью. Как говорит восточная мудрость: «Зло пожирает зло». Повесть о тех людях, которые стараются остаться людьми при любых обстоятельствах, сохраняя чистой свою душу.

Содержание

Почти фантастическая повесть	4
Часть первая	5
1	6
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Почти фантастическая повесть

– Виоланта! – донесся до них пронзительный женский голос. – С кем это ты разговариваешь?..

– С одним мальчиком, та tante, – ответила белокурая барышня. – Он родился на вершине дерева и теперь заколдован, так что не может спуститься вниз.

Итало Кальвино. «Барон на дереве»

Часть первая

Сумасшедший дом

«Одним словом, и у нас были налицо все причины, вызвавшие Французскую революцию. Но вот только жили мы не во Франции и революции у нас не было. Ведь мы живем в стране, где есть причины, но не бывает следствий».

Итало Кальвино. «Барон на дереве»

1

– Иногда у меня создается впечатление, что мы все – куклы, марионетки и с нами в жизни кто-то разыгрывает представление. Нас дергают за веревочки, и мы пляшем, кривляемся, смеемся или плачем.

– А кто дергает?

– Не знаю. Может быть, политики, торговцы или сам Бог. Но мы никак не можем оборвать эти веревки, освободиться от своей одеревенелости. Это как рок, как судьба. Подчиняясь чужой воле, мы вынуждены идти туда, куда нас толкают и тянут за лямки. Я ненавижу эти веревки и этот мир, который меня окружает, с его кукольными декорациями и обстановкой. Я пробовал было порвать эти путы, но что из этого получилось? Вместо того, чтобы освободиться, я попал в сумасшедший дом. Меня посадили в клетку, чтобы, не дай Бог, я не улетел куда-нибудь. Все в этом мире схвачено, за всем следит чье-то недремлющее око, и никто так просто не даст нам освободиться от этих пут, если мы не проявим свою волю, волю к свободе.

– Лично я не войду ни в одну партию, – заявила Карусель.

В холле раздался смех, а Елизавета Вторая заметила:

– Тебя никто не пригласит ни в какую партию после этого дома.

– А мне все равно, что думают обо мне они, эти деревян-

ные истуканы, которых дьявол дергает за веревочки, – заявил Платон. – Мы с вами – самые свободные люди на земле, хотя и сидим в тюрьме с решетками на окнах.

– Что касается тюрем, то общество боится двух типов людей, – вдруг вмешался в разговор Новенький, – сумасшедших и преступников, ограждая себя от них клетками. Потому что эти два типа людей по-своему рвут свои путы.

– В таком случае, позвольте мне поздравить вас, освободившихся людей, на этой свободной территории.

Весь холл ответил троекратным «ура».

– Фантазия нас уносит далеко, но дальше всего нас увлекает мечта, – продолжал Платон, – ведь только мечта и делает человека счастливым. Мечта порождает надежду, а надежда придает нам силы и поддерживает наш дух.

– А я когда-то летал, как птица, – признался Новенький, – и знаете, мне очень нравилось летать в небе и сидеть на деревьях. Раньше я думал, что только я открыл для себя этот мир и силы в себе, чтобы подниматься в небо. Но потом я встретил там очень много вольных птиц, которые так же, как я, улетали из своих насиженных квартир, чтобы немного побалдеть и расслабиться в воздухе.

– Птицы, божьи создания, – это не куклы, – заметил Платон, – это самые живые существа в мире.

– Восхитительно! – воскликнула Елизавета Вторая и заговорщицки подмигнула Новенькому. – Так значит, вы меня можете научить летать?

На что Карусель мгновенно отреагировала с нескрываемым чувством ревности:

– Милочка, вам самой нужно учиться летать. Если у вас не вырастут крылья, то вы никогда не оторвете свою жирную задницу от земли.

Елизавета Вторая собралась было достойно ответить своей сопернице, как Новенький поспешил упредить пикировку двух светских дам своим оперативным и обстоятельным пояснением.

– И совсем не нужны крылья в полете, – сказал он. – Стоит только немного сосредоточиться на какой-либо точке в пространстве, как вы через некоторое время сами взмоете ввысь.

– Интересная теория, – похвалил Платон, – нужно попробовать.

– Но никогда никому не открывайте всех своих секретов и ни в чем не признавайтесь, – заявила Елизавета Вторая, кивнув на двери палат в сторону медперсонала, – особенно им. Иначе и они научатся летать, и нам невозможно будет никуда от них спастись.

– Почему же, – развел руками Новенький, – пусть и среди них станет больше свободных людей.

– Да что вы такое говорите! – возмущенно воскликнула самозваная царица. – Неужели вы серьезно хотите, чтобы эти медбратья, костоломы проклятые, научились летать и в воздухе обламывать вам крылья?

– Этого мне бы не хотелось, – откровенно признался Но-

венький, – но, может быть, в воздухе они станут другими.

– Очень сомневаюсь, – воскликнула Карусель и заразительно рассмеялась.

– И еще одно, – продолжала полная Елизавета Вторая, напустив на себя вид заговорщицы, – не давайте им повода подумать, что вы нормальный по их меркам человек. Они сразу же упрячут за решетку в другое здание с более строгим режимом. Ведь они утверждают, что вы убили женщину и еще трёх человек.

В холле наступила неловкая пауза. Карусель и Платон осуждающе посмотрели на Елизавету Вторую, показывая ей всем своим видом, что не стоит касаться бесцеремонно таких щепетильных тем. Но Елизавета Вторая, как бы не замечая их косых взглядов, продолжала:

– Я не верю, что вы виновны. Все это чушь. Не принимайте близко к сердцу все их страшные наговоры на вас. Разве вы могли кого-либо убить? Да это просто абсурд.

Новенький опустил взгляд, а затем и голову. Казалось, что он сам не знал в данную минуту, было ли это абсурдом или правдой, убил он этих людей или нет.

– Ой! – воскликнула Елизавета Вторая.

Кто-то ущипнул самозваную царицу за толстую задницу, но в эту минуту Новенький взял себя в руки и сказал:

– А хотите, я расскажу вам, как все произошло?

– Да-да, расскажите-ка нам, – сразу же ухватилась за это предложение Елизавета Вторая, – страсть, как люблю слу-

шать душещипательные истории.

Ни Карусель, ни Платон не возражали, и Новенький начал свою историю.

2

«Все началось с того, что я посадил на своем балконе в горшочках луковицы тюльпанов. Наблюдая за моей работой из своего окна, юрист-сосед уверенно заявил:

– Не приживутся.

– Это почему же? – удивился я.

– Среда неподходящая. Ты посадил их слишком поздно и на самом солнцепеке. Забудешь полить, они сразу же завянут.

Я ему ничего не ответил, полил цветы и устроился с томиком Иммануила Канта на складном кресле, вдыхая запаха сирени, несущиеся со стороны консульского сада. Должен признаться, что я очень любил свою квартиру и дом, в котором жил. Сам кирпичный дом современной конструкции никакой особой ценности не представлял, разве что был построен как-то необычно – на курьих ножках и в форме опрокинутой буквы «П». Здесь уж архитектор постарался, наворотил такого, что ой-ей-ей, как говорят в народе, «не брани меня, мамаша, не берись за кочергу». Одним словом, моя квартира получалась между вторым и третьим этажом над аркой. С улицы, глядя на дом, я сам не мог точно определить свои окна. Но это все – ерунда, так как жил я в самой живописной части города. С одной стороны стояли резные, словно игрушечные, домики с крашеными наличниками, с

другой – тянулись самые настоящие palazzo с такой лепотой, что рябило в глазах.

Но я любил свое жилье не по этой причине, и даже не за то, что с балкона открывался великолепный вид на роскошный консульский сад. Из окон моей квартиры была видна загнутая часть дома, где по ночам светилось одно окно, на фоне которого возникал женский профиль. Сколько в доме живет народа, и кто занимал какую квартиру, я до сих пор не в состоянии разобраться. Знаю лишь, что рядом со мной обитал юрист, надо мной жил музыкант с семьей, чуть ниже – профессор университета и еще где-то наискосок – один известный литератор. Однако мое внимание притягивало всегда одно единственное окно, где жила та девушка.

Должен вам признаться, что девушек подобной красоты мне не доводилось видеть за всю мою не такую уж короткую жизнь.

Вы же знаете, как трудно любить красивую женщину, тем более, если эта любовь остается безответной. А я влюбился в нее до безумия. Каких только мук я не испытал за все это время! Чего только я не натерпелся и не выстрадал! Уж эта мне несчастная любовь! Я даже стихи начал писать.

Вы представляете? Я и стихи. Смешно! Я это вам говорю, чтобы вы смогли лучше представить, до какого отчаяния меня довели мои чувства. Впрочем, в несчастьи есть тоже свои положительные стороны. Если бы я не был таким несчастным, то не научился бы летать. Ведь как это часто

бывает в жизни, погрузится человек в такое состояние, и бац – гениальное произведение: симфония, поэма или какое-нибудь техническое изобретение. Так и живем, двигая прогресс. Правда, можно творить и от счастья, но такие случаи бывают крайне редко. Счастье, как сытость, делает человека самодовольным и тупым.

Так вот, в тот самый тихий июньский вечер, когда я посадил в горшочках на балконе луковицы тюльпанов и сел в кресло, чтобы до захода солнца насладиться чтением Иммануила Канта, а затем, полюбовавшись на звезды, с замиранием сердца следить за окном моей возлюбленной, и начались все эти чудеса.

Должен вам признаться, что я, как безумный влюбленный, шпионил за каждым ее шагом и готов был целовать следы ее ног. Я, как тень, неотступно следовал за ней по пятам, но не пытался познакомиться. Дурак! – скажете вы мне. Конечно же, дурак, – соглашусь я с вами. Но назовите мне хотя бы одного по-настоящему влюбленного человека, который бы не становился круглым идиотом. Ведь что такое любовь? Это же настоящее безумие. И я не составлял исключения.

Так я узнал, что моя красавица ходит в Дом Культуры и поет разные современные песенки во второразрядном джаз-оркестре. Да вы знаете этих молодых джаз – музыкантов и певцов. Сейчас повсюду их развелось как собак нерезаных. Я их называю козлами, потому что они тренькают на своих гитарах всякую пошлятину. У них нет ни голоса, ни слуха,

да и музыки они не знают, а исполняют форменное безобразие. Но моя красавица попала туда по ошибке, случайно, и я уверен, что с ее красотой, талантом она могла бы сделать на сцене карьеру великой певицы. Голос у нее был. Да еще какой голос! Заслушаться можно было ее пением, когда она исполняла какую-нибудь арию из оперы, а не эти пошленькие шлягеры, которые ей наигрывали те самые ее приятели – трясущиеся юнцы с гитарами. В основном, выступали они в дешевых кафе и ресторанах, а также на дискотеках. В душе я глубоко презирал их поп – массовое искусство, и можете себе представить, до какого самоотречения доходил я, любитель классической музыки, когда проводил вечера в накуренных подвалах-кабаре среди танцующей пьяной молодежи с одним лишь желанием увидеть ее, услышать, как она поет. Поистине, у этих козлов нет ни манеры, ни вкуса, и наряжают они своих певичек в такие проституированные костюмы, что, глядя на бедных девушек, хочется плакать. Но моя красавица даже в таком наряде не выглядела вульгарной. Она всегда казалась мне драгоценным камнем, оброненным среди мусора.

Она курила. Терпеть не могу, когда девушка берет в рот сигарету. Но с этим я смирился, и мой идеал не тускнел от табачного дыма. Возможно, у нее были какие-то свои недостатки. Но как вы знаете, когда кого-нибудь любишь, то, как слепой, не видишь в человеке ничего дурного, только все самое хорошее составляет предмет вашего внимания. И я, вероят-

но, не являлся исключением, совсем ослеп от своей любви, даже некоторые вещи, которые происходили в ее квартире, я воспринимал не так, как ее соседи.

А в ее квартире частенько устраивались такие оргии, что иногда соседи вызывали милицию, чтобы положить им конец. Даже кое-кто из высоконравственных матрон-соседок ходил по дому собирать подписи под петицией об ее выселении. Но на меня это не действовало. Я жил, как под наркозом, ничего не видел, ничего не слышал и лишь продолжал обожать ее до безумия.

Но она, словно назло, бросала им всем вызов. В ее окне никогда не задвигались шторы, и все происходило, как на экране. Утром она вставала и, обнаженная, ходила по комнате. Вечером, ложась спать, она не выключала свет, пока полностью не снимала с себя всю одежду. Вероятно, не у меня одного из мужской половины дома билось сердце, когда я следил за ее одеваниями и раздеваниями. Иногда она, не стесняясь, прямо у окна целовалась с разными парнями. Это повергало меня в такое отчаяние, что я готов был наложить на себя руки.

Прежде чем рассказать о трагической развязке, которая произошла позже, я должен вам поведать о некоторых жильцах нашего дома и о том, каким необыкновенным образом я с ними познакомился и где это произошло. Но я еще раз хочу напомнить вам, что все началось с того самого вечера, когда я посадил в горшочках на своем балконе клубни тюльпанов.

Накануне ночью я проснулся от птичьих трелей, доносившихся со стороны консульского сада. Впервые в жизни я услышал соловья на наших широтах. Потрясенный этим открытием, я вышел в пижаме с заспанными глазами на балкон и залюбовался сиянием полной луны, повисшей над старым садом, и пением залетного гостя. Ночью в саду зажигались фонари. Их причудливое мерцание, пробиваясь сквозь листву сирени и мягко смешиваясь со светом, льющим из мозаичных окон мансарды консульства, создавало в полумраке таинственную атмосферу загадочности. Я долго смотрел на этот чарующий калейдоскоп света и тени, слушая легкий шорох листьев, колеблющихся от ночного дыхания, как вдруг сбоку от меня тьму прорезал луч света, вырвавшись из квартиры моей возлюбленной. Я устремил свой взор туда, к предмету моего обожания, и увидел, мне показалось, голую фигуру юриста. Свет сразу же погас. Кто-то включил свет и мгновенно его выключил. Что это было? Обман зрения? Плод моего болезненного воображения? Стоило на какую-то секунду дольше продлиться этому мгновению, и все бы сразу же стало ясным. А так я до сих пор не уверен, видел ли я в ее комнате юриста или это она сама щелкнула выключателем. Трели соловья мгновенно прекратились, и я вспомнил слова одной добродетельной матроны из нашего дома о доступности моей красавицы мужчинам всего города. У меня сделалось скверно на душе, и такое настроение оставалось весь следующий день. А когда юрист сделал мне скептическое за-

мечание по поводу посаженных мной тюльпанов, я ничего не ответил, чтобы не сорваться и не наговорить ему гадостей. Помните?

Так вот, в тот теплый июньский вечер я чувствовал себя не очень весело, поэтому и решил отнестись ко всему философски и даже взял с полки книгу Иммануила Канта, к которому никогда не питал особой привязанности. Однако, немного поразмыслив, я пришел к умозаключению, что еще рано поднимать панику. Во-первых, я не был уверен, что вообще в ее комнате увидел мужчину. Мало ли что мне могло померещиться. Во-вторых, я ни разу не встречал мою красавицу в обществе юриста. И в-третьих, я уже сомневался: а загорался ли в ту ночь свет в ее комнате. Вспышка была такой короткой, что я мог спутать окна и принять чужое окно за ее квартиру. От этих мыслей ко мне опять вернулось благодушное настроение, и я, сладко потянувшись, закрыл книгу и стал ждать появления первой звезды на небосклоне.

Сколько я так просидел, не знаю, только вдруг я понял, что наступила уже глубокая ночь, и все жители дома давно спят в своих постелях и видят десятые сны. Мне же спать совсем не хотелось, так бы и сидел в складном кресле, вдыхая сладко-горьковатый воздух летней ночи. В темном небе сияли далекие звезды. У самой ограды консульского сада стоял раскидистый гигантский тополь. Его ветви запутались в глубине звездного неба. Моя полуночная красавица все еще где-то гуляла, но я решил ждать до утра. Это ожидание на-

полняло мое сердце каким-то тревожным томлением.

О, если бы я мог служить ей! Я бы, как преданный пес, лежал возле ее двери и, заслышав ее легкие шаги по лестнице, бросался бы к ней на грудь, лизал ей руки, целовал ноги и скулил от радости. Любить – это высшее счастье, любить же мучительной и безнадежной любовью – не сравнимое ни с чем блаженство, близкое разве что к мазохизму. От этой любви тоже можно испытывать состояние тихого счастья и внутренней радости.

В темноте я на ощупь потрогал кончиками пальцев посаженные мной луковицы тюльпанов в глиняных горшочках, как будто за несколько часов они могли дать всходы. И вдруг в эту минуту в окне моей красавицы зажегся свет. От неожиданности я чуть было не вскрикнул. Дождался! Наконец-то! Этот свет, вспыхнувший в ночи, вначале меня даже ослепил. На экране появилась моя возлюбленная. Откуда же она вернулась? Со свидания? Из кино? С танцев? В такое позднее время.

Девушка стояла напротив окна, юная и до невероятности прекрасная. Она стянула с себя кофточку и блузку, осталась в одном лифчике. Затем, изогнув руки за спиной, расстегнула петельки, и две девственные груди, подобные электрическим лампочкам, сверкнули своей белизной. Она по-детски склонила свою милую головку набок, и длинные волнистые пряди волос рассыпались по ее груди. Она повернулась спиной и удалилась. И сразу же погас свет. Вот и все. У меня пе-

рехватило дыхание. Этого краткого момента я ждал весь вечер и половину ночи. И мир сразу же как будто остановился для меня, а грудь готова была разорваться от нахлынувших чувств. В эту минуту мне показалось, что я все могу сделать, что нет в мире ничего такого, чего бы я ни смог достичь.

Откуда-то из-за дома выплыла большая серебристая луна и повисла над сказочным садом, из глубины которого подсвечивали таинственные фонарики, манящие своими огоньками под сень уснувших деревьев в царство волшебных теней. И вдруг опять запел соловей. Он так заливался и выводил такие каденции, трели и мелизмы, что мне захотелось сию же минуту вспорхнуть с балкона и отправиться самому к этому виртуозному исполнителю.

Здесь я должен сделать отступление и подготовить вас к основному событию той сказочной ночи. Вы можете сомневаться, это – ваше дело. Я даже предупреждаю вас заранее, что мне будет трудно объяснить вам суть случившейся тогда со мной метаморфозы, и тем не менее я все же попытаюсь убедить вас в правдивости моих слов. Поверьте мне, в те минуты я пережил нечто такое, что приблизило меня к постижению вечности, пониманию времени и пространства и, наконец, разгадке таинства полета. Это уже сейчас я наряжаю пережитые мной тогда ощущения в различные теории, вроде той, что «нужно сосредоточиться на какой-либо мысли и смотреть в одну точку...», ища объяснения случившемуся. Тогда же я просто зажмурил глаза и бросился в то необыч-

ное состояние, как бросаются с головой в омут.

Вначале я ничего не мог понять. Моя мысль куда-то понеслась, и я чуть было не ударился головой в ствол дерева. Я так был удивлен моим новым состоянием, что не сразу поверил, что стал птицей. Да и можно ли поверить в такое? Занятные вещи я вам рассказываю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.